

«Утверждаю»

Директор Института русской литературы (Пушкинский Дом)

доктор филологических наук

В.В. Головин

 2023

Отзыв ведущей организации

**Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
на диссертацию Александра Гавриловича Мельника
«Культы русских святых в конце XIV—XVI веке:
социальные аспекты и практики почитания»,
представленную на соискание ученой степени
доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история**

Отечественная медиевистика, особенно те ее направления, которые связаны с изучением религиозных практик, с трудом преодолевают зависимость от традиций, заложенных церковными нарративами. Поэтому появление исследования, содержащего новые подходы, по своей сути инновационного, безусловно следует приветствовать. Предлагаемая А. Г. Мельником серьезная научная методика по изучению русских святых особенно актуальна в ситуации общественного запроса на тему «Святой Руси» (и многочисленных спекуляций по этому поводу). Работа эта выполнена, как это часто бывает в медиевистике, на стыке нескольких областей знаний и подтверждает профессионализм автора как высококлассного историка, источниковеда, текстолога, искусствоведа.

Диссертация имеет следующую структуру: во Введении традиционно рассмотрена история изучения почитания русских святых, обсуждена теоретическая рамка исследования и источники, на которых оно построено. В первой главе, которая охватывает конец XIV-XV вв., прослежено оформление 32 культов «новых русских чудотворцев»; во второй, которая хронологически продолжает первую, прослежена традиция великокняжеских и царских богомолий в XV-XVI вв.; в третьей осуществляется попытка установить *иерархию популярности* русских святых и представить их значимость для средневекового человека (в первую очередь, на основании сравнения количеств посвященных им престолов); в четвертой, которая тематически связана с третьей – представлен взгляд на *иерархию русских святых*, но глазами монашеских корпораций, и, наконец, в пятой описаны отдельные монастырские практики почитаний святых. В заключении эти, казалось бы разрозненные, главы соединяются в цельную картину, представляющую выводы исследования, которые суть следующие: начавшийся в конце XIV в. в силу внутренних причин рост почитания русских святых с 1460-х гг. испытывал

влияние процесса образования Русского государства. Одними из самых активных проводников культов «новых чудотворцев» были московские государи. Но при этом не все официально насаждаемые государством и церковью культы приживались, чаще всего с молитвой о помощи обращались к Борису и Глебу, Сергию Радонежскому и митрополиту Петру, эти святые были самыми популярными в Московской Руси XVI в. При этом в монашеских сообществах возникала собственное представление об иерархии святых, обычно возглавляемой основателем обители.

Как это следует из выводов, а еще больше из самой *структуры*, работа, проделанная А. Г. Мельником, безусловно, новаторская: в ней мы видим отказ от традиционной композиции исследований по истории канонизации, которые, как правило, являются сводом отдельных историй почитаний различных русских святых, расположенных в хронологическом порядке в зависимости от даты начала их празднований. Эта традиция была заложена трудами В. О. Ключевского, В. Васильева, Е. Е. Голубинского – но даже библиографический очерк в диссертации Мельника начинается не с этих работ, а со «Словаря русской святости» Соковнина 1784 г., первого опыта научной рефлексии на тему «русской святости».

Теоретической рамкой исследования послужила работа социологов Олега Хархордина и Вадима Волкова (здесь замечу, что когда на с. 43 диссертант ссылается на эту монографию профессоров Европейского университета 2008 г., он случайно называет другую фамилию «речь идет о книге В.В. Орлова и О.В. Хархордина «Теория практик»). Таким образом, представленная диссертация – это очерк социальной истории русской святости XIV-XVI вв., в котором особое внимание уделено различным практикам почитания святых. Действительно, и в этом мы должны согласиться с автором, подобного исследования прежде никогда не было.

Не будем перечислять все, но отметим важнейшие для нас результаты проделанной работы:

- 1) новая оптика позволила отказаться от «мифологизирующей» научной традиции, удревняющей начало почитания святых, а в некоторых случаях и присваивающей ложный статус почитаемого святого. Наличие проложных житий варяжских мучеников, Аркадия Новгородского, Мстислава Великого, Исаакия Печерского и Кирилла Туровского квалифицировано как книжное явление, не имеющее подтверждения в практиках почитания.
- 2) чрезвычайное важное значение имеет рефлексия автора по поводу иерархии источников в отношении почитания святых. С его точки зрения важнейшим признаком сложившегося культа святого являются освященные в его честь престолы церквей, затем следуют иконы, и только потом списки житий, служб и месяцесловов (это важное для себя наблюдение диссертант повторяет дважды – с. 45-46, 349). Для многих из нас этот вывод звучит шокирующе: «К наименее существенным признакам следует отнести указания на книги, содержащие **житие** святого, **службу** ему, **месяцеслов** с его памятью, поскольку наличие этих произведений не может указывать на то, что почитание святого поднялось выше формального уровня» (с. 349). Традиционно именно ранние списки житий и служб привлекают внимание исследователей – но это потому, что нас, как правило, интересует

момент зарождения культа, а как работать с развитой традицией почитания мы не очень хорошо себе представляем. Мельник предлагает инструментарий для измерения значимости культов – таким образом, у нас появляется понимание того, как можно изучать культы не только в стадии зарождения, но и пышного цветения, и маститой старости. Вернемся к списку достижений.

3) разработана методика, позволяющая сравнивать степень почитания святых. Автор пишет: «нам важно установить не только сам факт почитания какого-либо святого, а *степень* такого почитания» (с. 369). Эта методика основана на принципе сравнений количества посвященных святому престолов, наличию и расположению икон в храмовом пространстве, степени праздничности трапезы в монастыре и пр. Таким образом, у нас появляется возможность увидеть иерархию «новых чудотворцев» глазами средневекового человека.

4) выработан новый научный язык для описания различных действий, связанных с почитанием святых – эти практики выявлены и систематизированы, что дает возможность их сравнения. Установлены уникальные практики, имеющие место в тех или иных монастырских сообществах. Одной из самых интересных является описание обычая «прикосновения к мощам святого в раке» (с. 481). Эта практика возникла в Троицком монастыре у мощей Сергия Радонежского и была характерна для москвичей, а в Новгороде воспринималась как чужая и приводила к конфликтам. Очевидно, это очень плодотворное направление – хочется немедленно включиться в процесс и умножить число выявляемых практик. Кажется, в исследовании не упомянуты «приятие персти от гробниц», использование гроба святого для написания его икон («раку разять на образы»),¹ практика выкладывания на аналой икон русским святым в день «Торжества православия».

5) на основании разнообразных источников создана самая подробная история великокняжеских и царских богомолий в XV-XVI вв.

После обзора очевидных достижений, хотелось бы поделиться отдельными замечаниями и пожеланиями:

Диссертант претендует на разработку нового метода, научного подхода. Но чтобы сделать его общедоступным, верифицируемым необходимо предложить точные формулировки основных понятий. Чаще всего А.Г. пишет о «культях» и «практиках», однако определение предлагается только для последних, и при этом очень широкое, пришедшее из социологии: «практики — это все, что мы делаем...» (С. 43). Конечно, предложение сформулировать понятия противоречит духу этого практико-ориентированного исследования, избегающего обобщений и предпочитающего им примеры. Но все же применительно к интересующему нас конкретному контексту точное определение «практик» и «культя» кажется необходимым.

Проблемной зоной представленной работы, на наш взгляд, является отсутствие ссылок на некоторые новейшие исследования. Оговорюсь сразу – принципиально это не влияет на основные выводы диссертанта, но их наличие позволило бы представить

¹См.: Воронцова Л. М. Сергей Радонежский // Православная энциклопедия. М., 2021. Т. 63. С. 201.

описываемые процессы точнее. Характерно, что историко-библиографический очерк во введении к диссертации заканчивается работой 2018 г. (С. 40) и, кажется, он не вполне полон.

Так, например, интересна была бы оценка, которую дает диссертант обобщающему сравнительно-историческому очерку по истории канонизации святых, помещенному в Православной энциклопедии.² Это знаковая, весьма объемная (90 страниц фолио) работа подводит определенные итоги изучения этой темы. Хотелось бы знать мнение автора этой диссертации о диссертации А. А. Романовой, в которой рассматриваются практики почитания святых с конца XVI в.³ – то есть имеются тематические и хронологические пересечения, но используемые подходы и методы, безусловно, разные.

Кроме того, обращение к новейшим исследованиям могло бы подсказать решение некоторых не принципиальных, но затрагиваемых в диссертации вопросов. Так, например, диссертант пишет: «Пахомием же составлена служба Никону, но не известно, когда он точно это осуществил» (С. 79-80) и дает сноску работу В. Яблонского 1908 г. Однако можно обратиться к статье А. В. Духаниной в Православной энциклопедии и прочесть «Служба прп. Никону Радонежскому была написана Пахомием Логофетом в период его пребывания в Троицком мон-ре, в 1440–1459 гг.»⁴ Опираясь на работу Н. К. Никольского 1910 г. диссертант строит догадки о содержании упомянутых в первой редакции Обиходника Кирилло-Белозерского монастыря книг: «Вероятно, в некоторых из тех же книг... содержались и службы святым» (С. 364). Однако совсем недавно О. Л. Новикова атрибуировала эти книги, а также проанализировала те изменения, которые произошли в организации монастырского чтения в XVI в. – речь идет о замене множества сборников комплектом монастырских миней.⁵

И, наконец, более тщательное и дотошное привлечение современной научной литературы могло бы проиллюстрировать дискуссионность некоторых положений диссертации. И. А. Шалина в исследовании о локализации погребений замечает по поводу статьи на ту же тему А. Г. Мельника: «С нашей точки зрения не вполне корректен подход автора к привлекаемому материалу, поскольку им рассмотрены и соединены воедино примеры, касающиеся погребений разных чинов святости – мучеников, преподобных, юродивых, епископов, митрополитов, князей и т.д. Как мы пытаемся показать, устойчивым характером и уникальной последовательностью расположения раков отличались погребения именно русских чудотворцев-основателей монастырей».⁶ Или другой пример. Отмечая, что богомолья в Никитский Переяславский монастырь предпринимали и Иван III, и Василий III, а икона святого уже в последней четверти XV входила в иконостас Успенского собора Московского Кремля, Л. Б. Сукина выражает несогласие с версией «А. Г. Мельника о том, что до середины XVI века Никита

² *Ткачев Е. В.* Канонизация // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 30. С. 269-359.

³ *Романова А.А.* Почитание святых и чудотворных икон в России в конце XVI – начале XVIII в.: религиозная практика и государственная политика. Автореф...д.и.н. СПб., 2016.

⁴ *Духанина А. В.* Пахомий Серб // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 55. С. 182

⁵ *Новикова О. Л.* Организация «соборного» чтения в Кирилло-Белозерском монастыре в XVI – начале XVII столетия // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной конференции. Москва, 2020 г. М., 2020. С. 305–307.

⁶ *Шалина И. А.* Локализация погребений русских чудотворцев в монастырских храмах и их символическое значение // Seminarium Bulkinianum. СПб., 2007. С. 197, сн. 73.

Переславский ничем не выделялся из ряда не слишком значимых святых, почитаемых только в определенной местности».⁷ И И.А. Шалина, и Л. Б. Сукина опубликовали свои исследования на темы, близкие рассматриваемым А. Г. Мельником, но в диссертации они не упоминаются. Представляется что научная дискуссия по поводу результатов исследования – это важный признак актуальности темы и ее стоило бы подчеркнуть.

Другую проблемную зону можно обозначить как вопрос сохранности. Понятно, что общий вывод о подъеме почитания святых в XVI веке относительно XV века определяется степенью сохранности: не только самих материальных объектов (рукописей, икон, храмов), но и «исторической памяти» - *сведений* о посвящении престолов, наличии икон, зависящей к тому же и от развития делопроизводственной практики. Это не значит, конечно, что мы вообще не можем сравнивать процессы, происходящие в разное время; но при таком сравнении к отрывочным сведениям о более ранних событиях нужно относиться бережнее. Автор диссертации, стремясь к объективности, часто занимает чересчур жесткую позицию в этом отношении. Так, например, А. Г. Мельник приходит к выводу, что Василий III стал первым московским государем, который придавал особое значение почитанию русских святых, он утверждает, что при участии этого великого князя сложились основные практики богомольных походов, государственного покровительства строительству храмов, традиция жертвовать покровы (С. 628). Однако древнейшие покровы на раку преп. Сергия Радонежского тоже считаются вкладами великих князей: покров 20-х гг. XV был изготовлен «по заказу вел. кн. Василия I Димитриевича или его брата кн. Юрия Димитриевича звенигородского»,⁸ покров сер.-посл. трети XV в. относят к работе великокняжеской светлицы времени правления вел.кн. Василия II Васильевича Темного, а некоторые исследователи считают его вкладом князя в Троице-Сергиев монастырь.⁹ Об Иване III Мельник пишет, что тот «не уделял особого внимания утверждению и распространению в своем государстве культов русских святых» (С. 161) – но именно он в 1472 г. в связи с открытием и первым перенесением мощей митрополита Петра поручил написать Слово об этом событии и Службу в его память. Жития Кирилла Белозерского и митрополита Алексея тоже были составлены по распоряжению великого князя, но Василия II. Может быть, имеет смысл придавать чуть большее значение этим разрозненным свидетельствам?

Перейдем к следующему вопросу – самому общему. Первым фактором, повлиявшим на рост культа святых в XV в. диссертант называет необходимость объединения земель и укрепления государственной власти. В ряде случаев, в качестве второго фактора называется автокефалия русской церкви: «Именно политический кризис Московского государства породил новое отношение к культам святых и обусловил подъем их почитания и общественной значимости. Важная причина усиления почитания российских святых в рассматриваемое время заключается и в установлении автокефалии русской Церкви в 1448 г.» (С. 627). Но при этом первая причина подробно комментируется, а вторая – нет; когда имеет место сжатое изложение указывается только

⁷ Сукина Л.Б. Почитание Никиты Великомученика и Никиты Столпника Переславского при дворах Василия III и Ивана Грозного // Московский Кремль XVI столетия. Древние святыни и история. М., 2014. Кн. 1. С. 49.

⁸ Воронцова Л. М. Сергей Радонежский // Православная энциклопедия. М., 2021. Т. 63. С. 199.

⁹ Там же.

одна причина - политическая: «Политический кризис породил новое отношение к культам» (С. 154). Понятно, что в такой «иерархии» причин автокефалии придается подчиненное значение. Представляется, что такое пренебрежение влиянием автокефалии на внутреннюю жизнь общества весьма спорно. Можно думать, что стремление и светской, и церковных властей доказать легитимность русской церкви (особенно после ее раздела на две части: московскую и литовскую, последовавшего за поставлением в 1458 г. на Киевскую кафедру митрополита Григория) придавало мощный импульс собиранию русской святости. «Новые русские чудотворцы» своими чудесами должны были доказать жизнеспособность русской церкви. А связь между чудесами и легитимностью церкви - это не исследовательская гипотеза, а факт общественного сознания, о котором писала Е. В. Белякова: в 60-е гг. XV в. создается «Сказание о болгарской и сербской патриархиях», в котором «существование славянских государств с царем и патриархом, независимым от Константинополя, оправдывается тем, что эти страны Бог прославил чудотворцами»¹⁰. Причем статья Е. В. Беляковой помещена в сборнике, о котором А. Г. Мельник вынес такое суждение: «В сборнике «Проблема святых и святости в истории России» (2006) представлены статьи российских и зарубежных ученых. Но ни в одной из них не были поставлены вопросы, решению которых посвящено наше исследование» (С. 39). Помимо стимула к разысканию сведений о чудотворцах, очевидно, автокефалия давала определенную свободу - возможность не испрашивать благословения патриарха на прославление подвижника, и эта свобода, уже в свою очередь, могла стимулировать желание воспользоваться открывшимися возможностями для прославления «своих» святых. Конечно, мы до сих пор не знаем, как точно происходили процессы прославления и канонизации, но в случае с митрополитом Петром санкция Константинопольского патриарха имела место.

Как уже отмечалось, А. Г. Мельник связывает рост почитания святых с попыткой преодоления политического кризиса на Руси в середине XV в. и процессом объединения русских земель. Поэтому интересно было бы сравнить происходящие процессы с теми, что происходили за пределами Московской Руси. Как там развивались культы русских святых – местных и московских? В чем своеобразие одного и другого процессов? Кажется, определенная активность там тоже имела место – в 60-е гг. XV в. происходит редактирование Киево-Печерского патерика, а затем редактирование Пролога с включением в него житий печерских святых, осуществлялось даже переписывание «Минеи новым чудотворцам» (известен сборник конца XV в., происходящий из Жировицкого монастыря и созданный, судя по языковым особенностям, в западнорусских землях (Библиотека Литвы F 19-02)). Было это собственно литературное движение или оно связано с причинами, имеющими непосредственное отношение к почитанию святых - ответ на этот вопрос хотелось бы получить впоследствии.

В заключении необходимо отметить, что замечания высказаны в рамках научной дискуссии или носят характер пожеланий и потому не могут повлиять на общую – весьма высокую – оценку работы.

На основе всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

¹⁰ Белякова Е. В., Найденова Л. П. Житие митрополита Ионы как источник по истории канонизации святых в Русской Церкви // Проблема святых и святости в истории России. М., 2006. С. 139.

Тема диссертации А. Г. Мельника является важной и актуальной, и соответствует специализации 5.6.1 – Отечественная история. Применяемые в исследовательском процессе методы являются инновационными, а полученные выводы – новыми. Объем проделанной работы и его результаты свидетельствуют, что диссертационное исследование является законченным. Основные его результаты опубликованы в рецензируемых изданиях, индексируемых как в международных базах данных, так и в базе данных РИНЦ. Эти публикации (их почти 100) позволили выводам и методикам пройти необходимую апробацию в научном сообществе. Автореферат диссертации полно и правильно отражает ее содержание.

Таким образом, диссертация А. Г. Мельника «Культы русских святых в конце XIV—XVI веке: социальные аспекты и практики почитания» полностью соответствует требованиям к докторским диссертациям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. в редакции Постановления от 18 марта 2023 г., а ее автор Александр Гаврилович Мельник заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Отзыв составлен старшим научным сотрудником ИРЛИ РАН кандидатом филологических наук *Татьяной Борисовной Карбасовой* и ведущим научным сотрудником ИРЛИ РАН доктором филологических наук *Александром Григорьевичем Бобровым*. Отзыв обсужден и утвержден на заседании Отдела древнерусской литературы 29.06.23 (протокол № 202).

Заведующая Отделом древнерусской литературы
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
доктор филологических наук

С. А. Семячко

Подпись *С. А. Семячко*
УДОСТОВЕРЯЮЩАЯ КОПИЯ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
Подпись *С. А. Семячко* 2023

ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН
119034, Санкт-Петербург.
наб. Макарова, 4
тел.:(812) 328-19-01
E-mail.: irliran@pushdom.ru